

УДК 165.72(4-011+(470+571))

РУССКИЙ И ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИЙ ФИЛОСОФСКИЙ НИГИЛИЗМ: СХОДСТВА И РАЗЛИЧИЯ

Нагой Фатима Нурдиновна

*Волгоградский филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ*

Феномен нигилизма последовательно отражается отечественной и западной культурой на протяжении двух столетий, что свидетельствует о динамизме и противоречивости исторических и культурных событий, подвижности границ мира, охваченного поиском выхода из кризисных состояний. Для человека западноевропейской культуры философский нигилизм реализует критическую функцию культуры, важным фактором историко-философского процесса выступает ситуация оборачивания веры в разум критическим отношением к его возможностям. Русский нигилизм отличает соединение критического отношения к наличному обществу и необходимости разработки и реализации программы радикальных реформ. Особый интерес и исследовательскую проблему статьи представляет решение задачи синхронизации, сближения и объединения русской и западной линии в осмыслении феномена нигилизма. В статье выявлены общие и особенные черты философского нигилизма в русле данных традиций. Русский нигилизм в отличие от западноевропейского не является выражением «усталости культуры», он представляет собой противоречивое выражение потребностей русской жизни, устремлен в будущее, обрисованное революционно настроенной мыслью. Разрушение старого в русском нигилизме непосредственно связано с поиском новой науки, нового искусства, нового человека, нового общества. Объединяющей силой в развитии двух традиций является понимание личности как ценности культуры и носителя культурных ценностей.

Ключевые слова: нигилизм; рационализм; иррационализм; пессимизм; индивидуализм; экзистенциализм; этический идеализм; система ценностей.

RUSSIAN AND WEST EUROPEAN PHILOSOPHICAL NIHILISM: SIMILARITIES AND DIFFERENCES

Fatima N. Nagoy

Volgograd branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

The phenomenon of nihilism consistently reflected in domestic and western culture over the past two centuries, it testifies about dynamism and contradictions of historical and cultural events, about the mobility of borders of the world that engulfed the search out of the crisis. For a man of west European culture the philosophical nihilism implements critical function of culture, an important factor of historical and philosophy process is the issue of transformation faith into the mind of a critical attitude to its capabilities. Russian nihilism distinguishes the compound of a critical attitude to the existing society and the need to develop and implementing a program of radical reform. Of particular interest and the problem of the research in the article presents a solution to the problem of synchronization, convergence and unification of Russian and Western lines in understanding the phenomenon of nihilism.

The article reveals general and specific features of philosophical nihilism in line with these traditions. Russian nihilism in contrast to Western European nihilism is not the expression «culture fatigue», it is a contradictory expression of the needs of Russian life, looking to the future, described the revolutionary-minded thought. The destruction of the old in Russian nihilism is directly related to the search for a new science, new art, new man, a new society. The unifying force in the development of the two traditions is to understand the value of the person as a carrier of culture and cultural values.

Key words: nihilism; rationalism; irrationalism; pessimism; individualism; existentialism; ethical idealism; system of values.

Актуальность темы обусловлена наличием феномена нигилизма, который поступательно проявляется и отражается как культурой, так и общественным сознанием. В целом, нигилизм определяется через единство мировоззренческих и теоретических установок с необходимыми сопутствующими формами поведения людей, отраженными и вместе с тем обусловленными психологическими состояниями и мироощущением человека, отрицающего доминирующее представление об устройстве мира и общих правилах жизни в нем. Динамичная и нелинейная разработка этой темы идет начиная со второй половины XIX в.

Историко-теоретическим основанием начала обсуждения проблемы нигилизма в западной философии стала поляризация двух подходов. Для рационалиста Г. Гегеля логика представляла собой действительное соотношение между вещами, а его оппонент А. Шопенгауэр объяснил данный подход всего лишь привычками индивидуального человеческого мышления, сформулировал принцип индивидуализма, в рамках которого на месте логики оказалась психология [12]. Философский нигилизм для человека западноевропейской культуры с самого начала противостоит проявлению обществом «инстинкта смерти», а также реализует критическую функцию культуры, особенно проявляющую ее кризисы [4]. Результатом для философии стала ситуация, когда происходит оборачивание веры в разум критическим отношением к его возможностям. Можно сказать, что культура таким образом включила в себя критику — «иронизирование» человека над самим собой, когда смех выступает как инструмент или даже оружие такой критики, и произошло это приблизительно в одно время как в русской, так и в западноевропейской мысли.

Отношение самого известного западного нигилиста Ф. Ницше к феномену нигилизма было противоречивым, так же, как и его отношение к другим культурным феноменам — религии, науке, искусству [5]. Оно включало приветствие нигилизма как разрушения основ всякой веры и переоценки ценностей и, одновременно, выступление против психологической формы нигилизма как ослабления веры человека в себя. Иными словами, нигилизм как первый шаг такой переоценки необходим, но только отрицанием устаревших ценностей ограничиться нельзя, так как само по себе такого рода обесценивание способно обернуться цинизмом и пессимизмом. Следующий шаг — создание принципиально нового мироощущения, которое преодолевает пропасть между

бытием и смыслом, позже речь пойдет о возвращении экзистенциальной тайны бытию, установлении нравственной неразрывности реального и идеального мира.

Таким образом, философский нигилизм обладает условным характером и требует преодоления, т.е. он представляет собой не результат, а средство выхода из ценностного кризиса европейской цивилизации. Ницше отказывает в однозначном доминировании рационалистическому аналитическому восприятию мира и концентрирует внимание на оформлении альтернативы как такого постижения мира, которое основано на целостном восприятии жизни как выражении воли, представляющей спонтанное духовное начало мира. Так выглядит преодоление нигилизма через восстановление цельности бытия, единства бытия и сознания, которые были утрачены в силу выбора рационального пути философией еще во времена Античности, забвения представления о человеке как природном интуитивном органическом существе через акцентирование человека познающего и противопоставленного природе в новоевропейском сознании. Как следствие, интеллект окончательно превращается в инструментальное средство для удобного рассмотрения мира, который в действительности лишен причинности, закономерности, последовательности. Ницшеанский нигилизм обладает условным характером и противостоит шопенгауэровскому пессимизму созидательным разрушением, принятием трагичности мира ради самоутверждения через повторение и возвращение к себе, выход за пределы биологической и социальной организации человека к духовным возможностям самого бытия.

Основоположник экзистенциализма М. Хайдеггер считает, что впервые понятие «нигилизм» как философское было введено Г. Якоби, который в письменном обращении к Фихте использовал термин «ничто» для обозначения того идеализма, которому противопоставляет свою позицию. Затем философ романтизма Ж. Поль нигилизмом назвал романтическую поэзию. Позже датский философ С. Кьеркегор обосновал положение о том, что эстетическая точка зрения есть позиция иронии и игры — выражение нигилизма, уровень первого шага в обретении экзистенции, шага непосредственного наивного человека, за которым может последовать этический и религиозный уровень выбора и решений [2]. Европейский (ницшеанский) нигилизм, по мнению М. Хайдеггера, шире понимания нигилизма через

отрицание позитивизма, речь идет об историческом движении, в рамках которого «сверхчувственное» (божественное, святое) теряет приданную ему ценность. Нигилизм — событие, меняющее истину о сущем. Исчезновение прежних целей трактуется как освобождение и завершение, открывается критический образ истории [10].

В русской, прежде всего литературной, линии понятие «нигилизм» используется Н. Надеждиным в первой трети XIX в. Русский нигилизм в это время отличало соединение критического и даже разрушительного отношения к наличному обществу с потребностью и необходимостью разработки и воплощения радикальных общественных реформ. Следует отметить, что неожиданной стороной русского нигилизма выступил утилитаризм, так как считалось, что на смену абстрактному и предустановленному пониманию добра должно прийти учение о пользе, объявляющее критерием истины выгоду. Радикальные умонастроения стали одним из факторов разрушения эстетики «чистого» искусства, импульсом к становлению искусства как «сурового» суда над действительностью, отражения действительности как она есть, во всей полноте противоречий. Далее распространение нигилизма на науку и философию уже означало отрицание находящегося за пределами чувственного опыта и утверждение «невозможности метафизики».

Отметим, что сочинения Ницше получили известность в России только в последнее десятилетие XIX в. Задолго до этого сама русская философия уже сформировала те существенные особые черты, которые определили оригинальность как восприятия, так и переработки ницшеанских идей. Такой основой стали, в частности, многие из положений славянофилов А. Хомякова и И. Киреевского, направленные против отвлечённой системности рационализма западноевропейского мышления. Например, Киреевский противопоставил рационализму не ограниченное омертвляющим анализом цельное и «живое» познание, полагающее человеческую оценку явлений, прежде всего нравственно-эстетического характера. Далее он обличал кризис буржуазного (западноевропейского) сознания и общества, движущегося по пути меркантилизма. Позже усилиями А. Григорьева обновленное славянофильство вновь отвергает объяснительный рационализм и утверждает идею интуитивности и бессознательности творчества, органического единства и целостности мысли и жизни. Иными словами, введенное в обиход понятие «народных организ-

мов» предвосхищает идеи и Н. Данилевского, и Ф. Ницше, и О. Шпенглера.

В свою очередь Н. Данилевский подводит черту обсуждению этого вопроса положением о том, что европейская цивилизация находится накануне неизбежного заката. Основные симптомы «болезни» — материализм, нигилизм, либерализм. Эти явления объявляются чуждыми по корням и даже вредными для естественного, органического развития. Кульминацией развития он считает славянскую цивилизацию — славяноцентризм, выступающий против доминирования европоцентризма. Его единомышленником выступил К. Леонтьев, отрицательно относившийся к современной ему Европе, обвинявший ее в поверхностности либерально-эгалитарного (уравнительного) прогресса, в то время как всякое уравнение (равенство) противостоит естественному, чуждо органическим законам мира, только в правовом поле идея равенства оправдывает свою положительную оценку. Заключительный этап в становлении общества Леонтьев обозначает как «вторичное смесительное упрощение», сущность которого образно представлена как ступень дряхлости человеческого организма. Причина социальной дряхлости общественного организма — утрата естественных начал разного рода неравенства (физического, социального, политического), смешение сословий, наций.

Это стало русским вариантом разведения идеи равенства и идеи справедливости с последующим акцентированием последней. По этому поводу Н. Данилевский приводит следующее сравнение: «Все различие между нашим нигилизмом и нигилизмом заграничным, западным заключается единственно в том, что там он самобытен, а у нас подражателен, и потому имеет некоторое оправдание, будучи одним из неизбежных результатов исторической жизни Европы, а наш висит на воздухе и... есть явление смешное, карикатурное» [1, с. 51].

Но нас интересует противоположное представление о содержании и судьбе нигилизма в России. Отметим, что в Германии нигилизм проявляет себя прежде всего в философии, а в России — в общественно-политической культуре с сильным идеологическим креном, в том числе в связи со слабой определенностью философской культуры. К числу русских нигилистов с течением времени начинают причислять даже просветителей, например, В. Белинского, Н. Добролюбова, Н. Чернышевского, Д. Писарева.

Нигилистические идеи Д. Писарева со временем становятся частью его концепции реализма.

Идет формирование такого стиля мышления, который включает готовность и возможность пересмотра и отрицания освященных временем и традицией понятий и оценок, а также тех социальных, нравственных и эстетических явлений, которые возникают на пути прогрессивного развития общества и личности, стремящейся к достижению цели. Нигилизм не является закрытой завершенной системой, он представляет собой принцип оценки со своей внутренней содержательной логикой. Контекст обозначен пониманием, что философия не система знаний, а философствование, подключающее нас к бытию, и мир в целом не столько рационален, сколько полон рационализаций.

Вместе с тем отношение Писарева к философии опиралось на отождествление философского знания с опытным научным знанием, с сохранением за философией социально-критической функции. Задачи публицистики, обращенной к думающей публике, у него звучат следующим образом: стереть предрассудки и выработать разумное мирозерцание, показать, что улетать мыслью в сферы фантазии преступно. Подчеркнем, что в рамках сформулированной цели объединены как задача отрицания (разбить предрассудки), так и задача построения (выработать мирозерцание).

В философии нигилизм начинается с отрицания незыблемой власти авторитетов. По поводу современных ему взглядов на творчество античных авторитетов Писарев пишет: «Исследователи, особенно немцы, проходя перед этими личностями, обезоруживают свою критику, скромно потупляют взоры и ограничиваются в отношении к ним ролью почтительного и аккуратного передатчика» [6, с. 31]. В то время как теория Платона — отрицание эмпирического права и утверждение приоритетности идеи, нивелирование личности и подчинение человека через превращение в винтик государственного механизма как единичности проявлению общего. Таким образом, с самого начала нигилизм в России выступал как закономерная составляющая развития русской философской мысли и социальной теории.

Обобщая сказанное, отметим, что русское наполнение понятия «нигилизм» подразумевает позицию, согласно которой следует признать в качестве «по-настоящему» существующего то сущее, которое дано в чувственном восприятии и, соответственно, представлено в нашем опыте. Как следствие, отрицается все то, что обосновано властью традиции или институтами власти. При сравнении с западноевропейским подходом обнаруживается размывание границ между объемами понятий «нигилизм» и «позитивизм», что объяс-

няет присутствие среди представителей нигилизма мыслителей с различным и подчас противоположными мировоззренческими ориентирами. Более того, отрицательный тип человека (нигилиста) в русской литературе обозначил феномен оторванности интеллигенции от родных корней и соединение несогласия и отрицания со страданием в этом человеке.

Первым пересечением подходов и серьезным разбором философской концепции Ницше стала работа В. Преображенского, написанная в последнее десятилетие XIX в. Автор обращается к творчеству Ницше в поиске необходимого и реального пути преодоления мещанства и, одновременно, противостояния крепнущей социалистической социальной установке. Была дана достаточно глубокая критика моральных заповедей общества, в которых извращенно срослись христианский альтруизм и корпоративность, создавшие питательную почву для процветания утилитарного принципа полезности и счастья как отсутствия страдания.

В результате происходит обезличивание человека. Выход из регрессивного движения общества Преображенский, как и Ницше, видит в переоценке старых и провозглашении новых «скрижалей ценностей», возвышающих и облагораживающих человека. Главная заслуга немецкого философа — исторически первая западная постановка самой проблемы с позиции, находящейся над исторически преходящими нравственными оценками и воззрениями. Это позволило осуществить переход по ту сторону добра и зла, признать разнообразие морали, наличие «парадоксов» морали, включая несовпадение этического и практического, авторства правил нравственности, субъектов нравственного воспитания, иные вопросы, неразрешимые для теории морали. Такой взгляд на нравственность соотносит ее относительную и абсолютную природу, но с отказом от кантовской автономности морального закона. Уместно вспомнить положение Ницше о том, что у жизни нет иного смысла, кроме ее ценности и, соответственно, нравственно то, что поддерживает жизнь и безнравственно то, что ее прекращает. «Нравственность имеет только относительную ценность, а не абсолютную ценность. Относительная ценность нравственности измеряется упадком или взлетом жизни» [7].

Развернулась дискуссия, в рамках которой Н. Грот противопоставил «антихристианский» индивидуализм Ницше христианскому альтруизму Толстого, что еще раз обращает наше внимание на проблему соотношения гуманизма и гу-

манности, человеческого и человеколюбия, пассивного принципа «не вреди» и активного — «помогай». Сам автор выступил против концепции Ницше, защищающего «чистое» язычество и разрушающего нравственное мирозерцание христианина, и противопоставил ей позицию Толстого, утверждающего торжество христианских начал жизни. «Близость» этих очень разных мыслителей выражена в стремлении создать свободную личность и на этой основе новое общество и человечество. Но Грота интересует принципиальность их расхождения в выборе путей осуществления общего идеала. Пути эти с определенностью высказаны Ницше: «Чем больше зла, тем больше добра» (максимум зла, максимум добра), Толстой: «Чем меньше зла, тем больше добра» (минимум зла, максимум добра).

В связи с этим приведем три образа истории Ницше, образующие принцип историцизма против историзма: монументальная, антикварная и критическая. Человек — существо историческое. С другой стороны, положение Толстого «непротивление злу силою» отражает глубокое понимание того, что силою нельзя приумножить добро, нельзя сделать человека счастливым и свободным, следовательно, необходим поиск одной общей линии в мировой истории человеческой цивилизации без разрушительного плюрализма.

Только начиная с девяностых годов XIX в. идеи Ницше становятся одним из факторов движения эстетики декаданса (упадка), а также позицией для критики в русле очень разных идеалистических выступлений в философии и, прежде всего, в литературе. Так, Д. Мережковский, один из основателей «нового религиозного сознания», соотносит идеи Ницше с теми из течений русской философии, которые переосмысливают их в соответствии с идейными запросами русского идеализма.

Например, идею конца мира Мережковский считает значимой, так как она ставит человека и человечество на грань бытия и небытия, способствует осознанию конечности существования, так или иначе проявляет соотнесенность сущности и существования. Он показывает, что положения Ницше соответствуют и совмещаются с выводами, проистекающими «из глубин» русской жизни. «С двух разных, противоположных сторон подошли они к одной и той же бездне, дальше идти некуда, исторический путь пройден, дальше обрыв и бездна» (бездна заглядывает в нас) [3, с. 235] и приходит к выводу, что есть еще выход из этого кризиса рациональной и позитивной философии.

Таким выходом объявляется религия: когда кончается история, начинается религия, только она есть путь «созидающий», а не исторически обусловленный. Это интересная попытка использовать ницшеанский нигилизм для обоснования религии, более того, использовать, как это ни парадоксально, ницшеанскую критику религии в целом, его вывод о смерти Бога для оживления и усиления интереса к религии. И это в то время как Ницше «проклинает» христианство, заявляя, что оно, научив человека быть честным, ослабило тем самым природу.

Яркий представитель философии всеединства С. Франк описал в мемуарах историю своего знакомства с идеями Ницше. Основное впечатление от поэмы Ницше он обозначает как решение о внутреннем определении собственной судьбы. С. Франк определяет свою позицию как ситуацию «идеалиста-метафизика» — носителя духовного опыта, открывающего доступ (окно) к невидимой внутренней реальности бытия. Франк формулирует замысел — охарактеризовать подход Ницше как этический идеализм, и далее заключает, что учение Ницше: «нравственный кодекс жизни героя, впервые написанное евангелие для людей творчества и борьбы», «этика активного героизма», и даже «нравственный императив самопожертвования» [9, с. 46]. Заслуга Ницше — выработка новой этической системы на основе принципа любви к вещам и призракам.

Впервые выделенный и обозначенный вид нравственного чувства представлял собой одинаково удаленное как от эгоизма, так и от альтруизма, претендующее на большую ценность, чем человеколюбие чувство. Само понятие «любовь к призракам» было взято из положения Заратустры о том, что выше любви к ближнему любовь к дальнему и грядущему, а далее — любовь к вещам и призракам. В размышлении речь идет о любви к отвлеченным ценностям, которая преодолевается новым качеством чувства. В связи с этим приведем известное размышление Франка о природе зла как пустоте в душе человека, которой свойственно разрастание, иными словами, добро существует, а зло приходит. Речь идет о признании и принятии «моральных прав личности» как «священных и неотчуждаемых» прав человека, в то время как Ницше, протестуя против утилитаристского подхода, впадает в противоположную крайность и сближает «любовь к призракам» с эгоизмом.

В свою очередь Н. Тихомиров отмечает притягательность нигилистических идей Ницше для интеллигенции и поэтому связывает успех произведений М. Горького с ницшеанским характером

героев его ранних рассказов. В целом, нигилизм Ницше оценивался в этом случае без учета конкретно-исторического контекста, прежде всего, ему придается характер бесполезного отрицания, в рамках которого ничего не разрешено, ничего не устранено, обнаруживается только безрезультатная постановка вопросов. Критика ведется с позиций абстрактного (отвлеченного) христианского гуманизма, вневременных вечных (общечеловеческих) ценностей, вместе с тем отметим те суждения, которые для нас представляют интерес. Как антитеза Ницше звучит Достоевский, который высказывает «смирение против гордыни» ради возрождения человека через силу христианской любви и понимание ограниченности сил человека. Речь идет о произрастании из ничтожества к величию.

Сложным и противоречивым было отношение к ницшеанскому нигилизму философа-идеалиста В. Соловьева, учение которого синтезирует высшие ценности — истину, добро и красоту во всеединое сущее на христианской основе. Это сущее выступает предметом философии в границах «мистического» объективного идеализма, который не совместим с ницшеанским отрицанием традиционной философии и традиционных ценностей религии и нравственности. Кроме того, находясь на позиции христианского гуманизма и высокой этической требовательности, мыслитель не мог принять апологию Силы и отрицание Добра. Соловьев не принял русское декадентство, выступил против культа индивидуализма, «сильной личности», против идеализации и признания конструктивности зла. Он с иронией пишет о «трепещущих» перед именем Заратустры.

Однако и Ницше, и Соловьев приходят к мысли о необходимости создать вместо традиционных умозрительных философских систем философию нового типа. Ею должна и может стать философия жизни, служащая не столько познанию мира, сколько выражению жизненной активности человека, цельного восприятия мира. Жизнь — понятие многоплановое, не поддающееся логическому определению, но именно она представляет собой нравственную ценность: будем мы о ней говорить в биологическом, космологическом или культурно-историческом смысле. Для Ницше основу жизни человека составляет органическое неравенство, «воля к власти», биологическая трактовка жизни как круга, вечного возвращения. Для Соловьева философия жизни — воплощение принципов христианства [8]. Ницше ищет социальный идеал в дохристианском варварском и раннем эллинском мире, стремясь оце-

нить язычников, Соловьев же — в первом христианстве. Отвергая современную (буржуазную) цивилизацию, они оба искали ей альтернативу без учета реального процесса развития общества в мифологической или христианской иррациональности прошедших веков.

Значительной и близкой к западной форме отражением философского нигилизма стала позиция Л. Шестова — своеобразное русское ницшеанство до Ницше. Правомерность своего подхода он подкрепляет мыслью о том, что искусство не может быть ни выражением, ни объектом логического анализа, объяснение и понимание — разные формы обработки действительности. Задача искусства — выступать против регламентации, снять оковы с рвущегося к свободе человеческого ума, уничтожить «железную» необходимость. Отвергнув понимание искусства как отражения действительности, Шестов открывает в нем возможность собственных произвольных построений. Например, он представляет Достоевского как яркого выразителя тенденции, аналогичной ницшеанскому нигилизму. Позже Шестов займется отождествлением Достоевского и Кьеркегора, утверждая, что идеи и способы разыскания истины у них схожи. Шестов рассматривает творчество Достоевского как выражение и оформление персональных чувств и мыслей писателя. Он полностью отождествляет автора с его героями. Анархистская идея «подпольного» человека: «Свету ли провалиться, или мне чаю не пить? Я скажу, что свету провалиться» — трактуется как авторская установка. Шестов видит в этом утверждение Достоевского о полной бессмысленности социального бытийствования вообще, хаотичности и в этом плане абсурдности жизни, надежд.

Вся прежняя философия, опиравшаяся на разум, оказывается бессильной перед ужасом и трагичностью жизни, зреет потребность в философии, осваивающей трагизм жизни и дающей возможность человеку повторить себя или самоутвердиться. Неограниченное сомнение — не что иное, как крах всех идеалов и ценностей. Смысл и философия трагедии Ницше и Достоевского состоит, вероятно, в том, что «надежда погибла навсегда, а жизнь есть». Жизнь и определяется как нечто бессмысленное по своей внутренней сущности, а если жизнь бесцельна, жестока и бессмысленна, то всякие планы ее переустройства в будущем столь же бессмысленны и иллюзорны. Таким образом, возвращается к жизни шопенгауэровское — мы живем в худшем из миров. Более того, такие планы порочны, ибо надежда на всеобщее счастье в будущем есть оправдание настоящего.

Описанный персонаж, отождествленный с Достоевским, приходит к отказу от всяких идеалов и надежд. Он считает идеи великого Сократа недопониманием, его призыв к самопознанию, веру в разум — бессмысленными. Позже, уже как защитник идей Кьеркегора, Шестов еще не раз обратится к Сократу, доказывая неприемлемость порождений разума, бессильного познать и изменить мир, использующего генерализирующий, обобщающий и, соответственно, упрощающий метод познания действительности. Мораль же неприемлема как форма оправдания науки в своей позитивной форме. Шестов критикует Канта за то, что тот освятил законы морали разумом, поставил веру в границы разума, установил неразрывную связь разума и чувства, настаивая на том, что наши чувства без мыслей слепы, а наши мысли без чувств — пусты. Наука имеет вечную союзницу — мораль, справиться следует сначала с моралью, а потом ограничить науку.

Человек может жить без моральных и научных ценностей, без централизованного мировоззрения, провозглашает философ. Он пишет о кризисе сознания интеллигенции, которая привыкла плакать над страданиями народа, взывая к справедливости, и требовать новых порядков, а теперь еще и разочаровалась в собственных идеалах. Принципиально новые установки — признание недостаточности науки и разума в силу сложности жизни, неустранимости в ней противоречий в перспективе — создают предпосылки признания нового типа реальности или «новой рациональности». Традиционная «определённость» должна быть отвергнута, потому что она создаёт иллюзию прочного знания. Более того, философия не должна объединяться с логикой, она есть искусство, выводящее человека в царство фантазии. Оптимизм, вера в разум и прогресс тождественны мещанским добродетелям и буржуазной добропорядочности. Истинное выражение свободы, по Шестову, — в алогизме, антисциентизме, иррационализме, в искажении всех привычных понятий и, наконец, в концепции теоретического нигилизма: пусть с ужасом отвернутся от нас будущие поколения, пусть история заклеит наши имена как изменников общечеловеческому делу, — мы всё-таки будем слагать гимны уродству, разрушению, безобразию, хаосу, тьме... [11].

Таким образом, подводя итоги, подчеркнем, что русский нигилизм в отличие от западной линии — это не столько синоним неверия или «усталости культуры», ослабления веры человека в свои силы, а своеобразная переработка позитивизма, иррационализма, индивидуализма и соци-

ально-этического утопизма. Русский нигилизм — это противоречивое выражение потребностей жизни, которая спонтанна и вместе с тем целесообразна и устремлена в будущее, обрисованное революционно настроенной мыслью. Разрушение старого в русском нигилизме непосредственно связано с поиском новой науки и нового искусства, нового человека, нового общества.

Список литературы

1. *Данилевский Н.Я.* Происхождение нашего нигилизма. URL: <http://www.pereplet.ru/history/Autor/Russ/D/Danilevskij/nihilism.html> (дата обращения: 01.03.2015).
2. *Кьеркегор С.* Страх и трепет. М.: Республика, 1993. 383 с.
3. *Мережковский Д.С.* Толстой и Достоевский. URL: http://az.lib.ru/m/merezhkowskij_d_s/text_1902_tolstoy_i_dostoevsky.shtml (дата обращения: 01.03.2015).
4. *Нагой Ф.Н.* Онтологические и гносеологические модели философии истории: от прошлого к будущему // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2013. Вып. 3(15). С. 66–73.
5. *Ницше Ф.* Антихристианин // Сумерки богов. М.: Политиздат, 1989. С. 17–94.
6. *Писарев Д.И.* Идеализм Платона. URL: http://iph.ras.ru/elib/Pisarev_Idealism_Platona.html (дата обращения: 01.03.2015).
7. *Преображенский В.П.* Фридрих Ницше: критика морали альтруизма. URL: <http://www.nietzsche.ru/look/century/preobragen/> (дата обращения: 01.03.2015).
8. *Соловьев В.С.* Оправдание добра. Нравственная философия // Соловьев В.С. Сочинения: в 2 т. Т. 1 М.: Мысль, 1988. С. 47–580.
9. *Франк С.Л.* Ф. Ницше и этика «любви к дальнему» // Франк С.Л. Сочинения. М.: Изд-во МГУ, 1990. С. 6–64.
10. *Хайдеггер М.* Европейский нигилизм // Проблема человека в современной западной философии. М.: Просвещение, 1988. С. 261–313.
11. *Шестов Л.* Апофеоз беспочвенности. Опыт адогматического мышления // Шестов Л. Сочинения: в 2 т. Т. 2. Томск: Водолей, 1996. С. 3–178.
12. *Шопенгауэр А.* Афоризмы житейской мудрости. М.: Прогресс, 1990. 101 с.

Получено 09.03.2015

References

1. Danilevsky N.Ya. *Proishozhdenie nashego nigilizma* [Our nihilism's origin]. Available at: <http://www.pereplet.ru/history/Author/Russ/D/Danilevskij/nihilism.html> (Accessed 01.03.2015). (In Russian).
2. Kierkegaard S. *Strah i trepet* [Fear and trembling]. Moscow, Respublika Publ., 1993, 383 p. (In Russian).
3. Merezhkovsky D.S. *Tolstoy i Dostoevsky* [Tolstoy i Dostoevsky]. Available at: http://az.lib.ru/m/merezhkovskij_d_s/text_1902_tolstoy_i_dostoevsky.shtml (Accessed 01.03.2015). (In Russian).
4. Nagoy F.N. [Ontological and gnoseological models of the philosophy of history: from the past to the future]. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya «Filosofiya. Psihologiya. Sotsiologiya»* [Perm University Herald. Series "Philosophy. Psychology. Sociology"]. 2013, iss. 3(15), pp. 66–73. (In Russian).
5. Nietzsche F. [The Antichrist]. *Sumerki bogov* [Twilight of the Gods]. Moscow, Politizdat Publ., 1989, pp. 17–94. (In Russian).
6. Pisarev D.I. *Idealism Platona* [Plato's idealism]. Available at: http://iph.ras.ru/elib/Pisarev_Idealism_Platona.html (Accessed 01.03.2015). (In Russian).
7. Preobrazhensky V.P. *Fridrih Nittsshe: kritika morali al'truizma* [Friedrich Nietzsche: altruism morality critique]. Available at: <http://www.nietzsche.ru/look/century/preobragen/> (Accessed 01.03.2015). (In Russian).
8. Solov'ev V.S. [Approval of good. Moral philosophy]. Solov'ev V.S. *Sochineniya: v 2 t. T. 1.* [Oeuvre in 2 vol. Vol. 1]. Moscow, Mysl' Publ., 1988, pp. 47–580. (In Russian).
9. Frank S.L. [Nietzsche and "love for remotes" ethics]. Frank S.L. *Sochineniya* [Oeuvre]. Moscow, Moscow State University Publ., 1990, pp. 6–64. (In Russian).
10. Heidegger M. [European nihilism]. *Problema cheloveka v sovremennoj zapadnoj filosofii* [Problem of a man in modern western philosophy]. Moscow, Prosveschenie, 1988, pp. 261–313. (In Russian).
11. Shestov L. [Apotheosis of groundlessness. Experience of antidogmatic thinking]. Shestov L. *Sochineniya: v 2 t. T. 2* [Oeuvre in 2 vol. Vol. 2]. Tomsk, Vodolej Publ., 1996, pp. 3–178. (In Russian).
12. Schopenhauer A. *Aforizmy zhitejskoj mudrosti* [Aphorisms on the wisdom of life]. Moscow, Progress Publ., 1990, 101 p. (In Russian).

The date of the manuscript receipt 09.03.2015

Об авторе

Нагой Фатима Нурдиновна

кандидат философских наук,
доцент кафедры философии и социологии

Волгоградский филиал Российской академии
народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ,
400131, Волгоград, ул. Гагарина, 8;
e-mail: fatima_nm@mail.ru

About the author

Nagoy Fatima Nurdinovna

Ph.D., Associate Professor of Philosophy
and Sociology Department

Volgograd branch of Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration,
8, Gagarin str., Volgograd, 400131, Russia;
e-mail: fatima_nm@mail.ru

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Нагой Ф.Н. Русский и западноевропейский философский нигилизм: сходства и различия // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2015. Вып. 2(22). С. 40–47.

Please cite this article in English as:

Nagoy F.N. Russian and West European philosophical nihilism: similarities and differences // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2015. Iss. 2(22). P. 40–47.